
АФРИКАНСКИЕ АСПЕКТЫ

Л. Е. ГРИНИН

О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ МОДЕРНИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРИКИ И ИХ ВЛИЯНИИ НА ПРОЦЕССЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ*

В настоящей статье даются некоторые характеристики сложного процесса модернизации в африканских странах, указываются как важные сходства с модернизирующимися странами в других регионах, так и важные особенности африканской модернизации. Мы, с одной стороны, указываем на достижения модернизации, но с другой – показываем корреляцию модернизации в Африке с процессами дестабилизации, включая сепаратизм, революционные события, гражданские войны, исламистский экстремизм. Также в статье показывается влияние исламизма на особенности модернизации в исламских странах Африки. Выявление влияния процессов быстрой модернизации в странах Африки на процессы дестабилизации является важной задачей, благодаря чему возможны минимизация социальной энтропии и дестабилизации.

Ключевые слова: модернизация, Глобальный Север, Глобальный Юг, Африка, Нигерия, Эфиопия, дестабилизация, революция, сепаратизм, интеграция.

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Гринин Л. Е. 2025. О некоторых характеристиках модернизации в странах Африки и их влиянии на процессы дестабилизации. *История и современность* 4: 3–36. DOI: 10.30884/iis/2025.04.01.

For citation: Grinin L. E. 2025. On Some Characteristics of Modernization in African Countries and Their Impact on the Processes of Destabilization. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 3–36 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2025.04.01.

История и современность, № 4, декабрь 2025 3–36

DOI: 10.30884/iis/2025.04.01

Введение. Модернизация и дестабилизация

Различные исследования, включая наши собственные, показывают, что процессы модернизации обществ в любом их варианте потенциально чреваты различными явлениями дестабилизации. См., например, о связи модернизации только с одним видом дестабилизации – революциями: Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Huntington 1968; Dahl 1971; Rostow 1971b; Eisenstadt 1978; Brunk *et al.* 1987; Rueschemeyer *et al.* 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Boix 2011; Goldstone 2001, 2014; Grinin 2012, 2013; Гринин 2013, 2014, 2017a, 2017б; Bilyuga *et al.* 2016; Хобсбаум 1999; Мау, Стародубовская 2001; Годд 2024; см. также: Гринин 2012; Гринин, Коротаев 2012; Grinin 2022a; Grinin, Korotayev 2012; Коротаев и др. 2011; Korotayev *et al.* 2017; Grinin L., Grinin A. 2022a). Но авторы, конечно, упоминают и иные виды дестабилизации – от войн до экономических кризисов, от социальных конфликтов до переворотов.

Дестабилизация – важнейшая и неизбежная часть социально-политических и иных процессов, которая прослеживается на протяжении всей человеческой истории. Дестабилизация и организация (включающая в себя также элемент стабилизации) всегда находятся в динамическом единстве и борьбе. Периоды укрепления порядка сменяются периодами его ослабления в результате различных процессов дестабилизации. При этом, с одной стороны, дестабилизация – это энтропия порядка в обществе, а с другой – орудие творческого разрушения (по выражению Й. Шумпетера [2007]). Иначе любой режим и любой социальный институт вечно пребывали бы в застое. (Подробнее о типах, причинах и природе дестабилизации см.: Гринин 2023б; Grinin A., Grinin L. 2024.)

В Африке дестабилизацию вызывают многие процессы, включая этнические противоречия и конфликты, гражданские войны, сепаратизм, неспособность правительства защитить население от преступности и террора, чем пользуются исламские радикалы (см.: Гринин 2020в, 2020г, 2020д, 2021), экономические кризисы, что особенно наглядно проявилось в событиях «арабской весны», протесты против коррупции, nepотизма, фальсификации на выборах, слабость и нестабильность целого ряда африканских обществ и государств и многое другое (см.: Гринин и др. 2018; Гринин 2023а, 2023б; Гринин, Хайруллин 2023). Однако, как ни странно, одну, причем фундаментальную причину нестабильности и дестабилиза-

ции – ускоренную модернизацию стран Африки – называют гораздо реже и обращают на нее недостаточное внимание¹.

Между тем период модернизации характеризуется изменениями в технологиях, а также во многих экономических и общественных отношениях, которые постепенно (но по историческим меркам довольно быстро) трансформируются из архаических в современные. Однако во время таких переходных периодов, как правило, возникают кризисы, которые являются следствием неспособности многих традиционных институтов и отношений, а также идеологий следовать за изменениями в технологиях, коммуникациях, системе образования, медицинской сфере и демографической структуре.

Все это ведет к большим напряжениям в обществе, причем эти напряжения могут вызывать разрыв тканей общества в его слабых местах (например, по этническим «швам»). В этой связи нельзя не отметить, что в многонациональных государствах в результате модернизации имеет место такой феномен, когда прежде отсталые в экономическом и культурном отношении области и народы поднимаются до уровня, с которого начинается рост их национального самосознания. А отсюда уже прямая дорога к борьбе таких этносов за политическое равноправие, автономию и самостоятельное государство, стремление выйти из состава более крупного государства. В результате можно констатировать, что большинство национально-освободительных революций в той или иной степени были подготовлены трансформациями, связанными с модернизацией (см.: Grinin 2022c; Grinin L., Grinin A. 2022a; Filin *et al.* 2022). Ведь рост национализма – это часто результат изменений в сфере образования, коммуникаций и социальных отношений, то есть процессов, которые обязательно идут в ходе модернизации (см.: Grinin 2022c; Gellner 1983; Grinin 2008).

1. О понятии модернизации

Понятие модернизации охватывает широкий круг вопросов, и его точное определение вызывает споры (Apter 1965; Black 1966; Levy 1966, 1967; Eisenstadt 1966, 1978; Smelser 1967; Huntington 1968; Rostow 1971a; Tipps 1973; Przeworski, Limongi 1997; Побережников 2006; Травин, Маргания 2004; Нефедов 2007; Гринин

¹ Есть и еще одна, на которую обращают совсем мало внимания, но она также фундаментальна и связана с модернизацией – малый исторический опыт государственности у африканских стран (см.: Гринин и др. 2018).

2010, 2013; Grinin, Korotayev 2015; Яковлев 2010; см. также: Bendix 1967; Collins 1968). В рамках этой статьи мы определяем его следующим образом. **Модернизация – это процесс перехода общества от архаичного (сверхсложного аграрного) к индустриальному уровню** (а в настоящее время – к индустриально-информационному), **характеризующийся достаточно быстрыми и часто болезненными изменениями, к которым общество в большинстве случаев оказывается недостаточно готовым.** Соответственно, модернизация охватывает довольно широкий спектр направлений: технологическое, экономическое, финансовое (за счет мощного развития рынков), демографическое (урбанизация, миграции, ускоренный рост населения на первом этапе и т. п.), социальное в широком смысле (изменение социальных статусов, развитие медицины, образования, новые отношения в обществе), культурное (рост грамотности неизбежно ведет к огромным изменениям в культуре), информационное, административное, политическое и др. Разумеется, глубина и скорость изменений в каждом направлении может определяться особенностями данных подсистем, поэтому и возникают мощные диспропорции, о которых мы расскажем ниже. В результате общество не находится в слаженном системном виде, а испытывает деформации и напряжения. Мотор всего, однако, в большинстве случаев – это модернизация в военной области (которая синтезирует многие направления), она является источником государственной активности в сторону модернизации; а технологии, рост рынков и товарно-денежных отношений взбудораживают общество, инициируют рост экономики, медицины (падение смертности, особенно детской) и пр., запускают необратимые демографические процессы.

2. Типы модернизации и Африка

Мы выделяли такие типы модернизации, как:

1) **естественно-историческая** модернизация, которая происходит без внешнего воздействия, но только в тех обществах, которые первыми запускают эти процессы, как это было, например, в период промышленной революции в Англии в XVIII–XIX вв. Но таких обществ единицы. Этот тип явно никак не относится к Африке.

2) Иногда может наблюдаться **насильственная** (навязанная внешней силой: из метрополии или в результате оккупации) модернизация. Такой тип можно проиллюстрировать на примерах Египта

в период английской оккупации (1882–1919 гг. [об этом периоде см.: Daly 1998]), Японии в период американской оккупации (после 1945 г.), Индии в поздний период британского правления. Но если говорить о насильственной колониальной модернизации, то чаще происходит навязывание не всего комплекса изменений, связанных с модернизацией, а лишь отдельных направлений, причем в таких узких сценариях, которые необходимы и выгодны метрополии.

В рамках целей данной статьи стоит отметить, что обществу, подвергающемуся насильственной модернизации, часто удается долгое время избегать социальных взрывов (примеры – Британские Индия и Египет; хотя в конце концов они могут вспыхнуть, как это и произошло в Египте в 1919 г. и в Индии в 1942–1947 гг., см.: Grinin L., Grinin A. 2022a).

3) **Догоняющая** модернизация. Чаще модернизация общества связана с догоняющим развитием, ускоренной индустриализацией или быстрым присоединением к системе международного разделения труда, когда заимствуются уже существующие производственные и социополитические системы управления. В такой ситуации, с одной стороны, процесс трансформации ускоряется, но, с другой стороны, многие необходимые для стабильного развития реформы терпят крах. Таким образом, в обществе появляются огромные диспропорции, когда модернизация затрагивает прежде всего военную сферу, технологии и экономику, в то время как система распределения, архаичные политическая и социальная структуры меняются намного медленнее (см.: Гринин 2017б). Модернизация порождает новые идеи, идеологии (либерализм, демократию, социализм, национализм и т. п.) и потребности, которые вступают в конфликт с устоявшимся порядком и традициями.

Отметим также, что такая догоняющая модернизация ведет к культурным заимствованиям, а затем рано или поздно и к импорту революционных идеологий. В результате в странах догоняющего развития лидеры коренного населения начинают рассматривать революции (как впоследствии и демократию) в качестве некоего универсального и перспективного средства для перехода на новый уровень. В результате в революционный процесс вовлекаются и периферийные страны, объективно еще не готовые к более высоким формам развития (см. об этом: Grinin 2022b).

В период модернизации быстрые и неконтролируемые изменения в сочетании с нарастающими структурными диспропорциями и демографическим давлением могут привести общество в возника-

ющую модернизационную ловушку. Эти диспропорции могут быть усилены также быстрой урбанизацией и ростом ожиданий, которые превосходят возможности общества и особенно тяжело воспринимаются на фоне растущего неравенства. В совокупности эти факторы повышают опасность нарушения социального равновесия (см., например: Johnson 1968; Smelser 1963; Goldstone 2014), что может привести к социально-политическим потрясениям (Grinin 2022a). Таким образом, истоки различных дестабилизаций, связанных с модернизацией, чаще всего кроются в серьезных диспропорциях, возникающих в развитии общества в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции трансформируются в устойчивое недовольство и оппозицию власти, а те, в свою очередь, могут перерасти в кризис в случае ослабления власти или социально-политической нестабильности. Словом, модернизация разрывает ткань традиционного общества и часто ведет к усилению неравенства, что влечет за собой серьезные изменения и порой весьма тяжелые последствия для целых социальных слоев, а также усиливает конфликтность в обществе, ведет к военным переворотам, революциям, гражданским и партизанским войнам, сепаратизму, терроризму и т. п. В отношении африканских стран добавим, что слабость государственности при необходимости ее развития неизбежно вела к тому, что именно армия становилась наиболее развитой (разумеется, не относительно армий развитых стран, но относительно других институтов), а военные – наиболее организованной силой. Отсюда и особая роль военных переворотов в странах Африки во второй половине XX в. Но и сегодня они еще не сошли со сцены, трансформируясь в то, что называют куволуцией, то есть нечто вроде военной революции (например, в Судане с 2019 г., Нигере в 2023 г. и других странах).

Что касается африканских стран, то во многих из них модернизация начиналась как насильственная, поскольку колониальные державы (и их бизнес) были заинтересованы в своем развитии для более продуктивной эксплуатации и управления. Такая модернизация заключалась в прокладке железнодорожных путей и телеграфа, некотором росте образования (особенно для элиты) и развитии здравоохранения, увеличении добычи некоторых полезных ископаемых, строительстве портовой инфраструктуры, создании электрической инфраструктуры в отдельных местах, некоторых предприятий и др. Но степень такой насильственной модернизации в разных колониях была очень различна. Более или менее системно она про-

изошла только в Южно-Африканском Союзе и в определенной мере в Египте (см. выше).

У единственной независимой державы на Африканском континенте, Эфиопии, в плане попыток модернизации можно отметить реформы императора Хайле Селассие начиная с 1930 г., включавшие отмену рабства, строительство школ, больниц, дорог, создание регулярной армии и др. Но в итоге правление этого императора завершилось революцией, поскольку общество несколько повзрослело, активно заимствовало различные иностранные идеи (включая и социализм), и в нем появились новые силы и веяния. Что же касается другой независимой страны Африки до начала ее освобождения – Либереи, то ее история очень ярко показывает, что попытки ввести демократические институты в неготовое общество (что тоже часто осуществляется насильственным или иным принудительным путем и является разновидностью модернизации), как правило, ведет к искажению (редукции) этих институтов к наличному уровню общественных отношений и дестабилизации. Тем не менее принудительные попытки внедрения полноценной и зрелой демократии в неготовые к этому страны продолжаются, что является в настоящее время одной из важнейших причин дестабилизации в Африке. Даже Египет, где формы демократии развивались с 1919 г., хорошо иллюстрирует сложность внедрения демократии, особенно с начала революции в 2011 г. (см.: Grinin, Korotayev 2022a, 2022b). Несомненно, такая модернизация все-таки продвигает страны вперед, однако цена этого движения чрезмерна. Постепенный путь к демократии был бы в ряде случаев менее тяжелым.

Конечно, модернизация в ее насильственной колониальной форме в африканских странах оказалась лишь частью долгого и трудного пути по трансформации традиционных обществ в современные. Тем не менее нельзя не отметить, что европейские колонизаторы своими руками создали образованную и привилегированную африканскую элиту, которая сначала занимала младшие гражданские должности в колониальной администрации, а впоследствии именно эти люди совершили национально-освободительные революции на Африканском континенте (см.: Davidson 1994; Следзевский 1988; Заболотских 2010). И это хорошо иллюстрирует теснейшую связь модернизации, даже прошедшей далеко не в полном виде, и дестабилизации. Отметим также, что именно в наиболее продвинувшихся в насильственной модернизации африканских обществах, в частности в Алжире и Египте, наблюдались наиболее

радикальный революционный подъем и наиболее ожесточенная национально-освободительная борьба.

В целом в африканских странах имела и имеет место догоняющая модернизация. Однако то, что модернизация во многих странах началась как насильственная, придает догоняющему характеру особую специфику. Это проявляется, во-первых, в том, что в ряде стран уже была заложена специализация, в том числе в виде монокультуры², отойти от которой сложно, так как именно монокультурный продукт дает важнейший экспортный доход, без чего модернизация невозможна. Во-вторых, многие страны тяготеют к влиянию, рынкам, капиталу и пр. своих бывших метрополий. В-третьих, установленные границы, а также некоторые институты, проведенные пути сообщения и др. существенно влияют на канализацию путей модернизации. В-четвертых, государственные языки и языки образования бывших метрополий (английский, французский, португальский) также влияют на выбор партнеров и приоритетов. На наш взгляд, распространение мировых языков в африканских странах сильно способствует модернизации как в образовании, так и в притоке капитала и других областях, но оно же влияет на выбор стран обучения, импортеров капитала и т. д.

3. Африканская модернизация: ускоренная и расширенная модернизация при осложненных обстоятельствах

Модернизацию в африканских странах можно назвать не просто ускоренной, но и расширенной. Что такое расширенная модернизация? Мы имеем в виду, что модернизировать приходится едва ли не каждую сферу и подсферу жизни и государственного управления, то есть фронт модернизации исключительно широкий (см. выше). Отсюда ускоренность модернизации надо еще умножать на число сфер, в которых идет модернизация. При этом естественно, что скорость развития и изменения в разных сферах принципиально разная, что очень сильно увеличивает диспропорции. Если к этому добавить исключительно быстрый рост развития технологий, то объем задач и их сложность предстанут в еще более полном виде. Мы много писали о том, что внедрение новых технологий очень мощно действует на все остальные сферы жизни, трансформируя,

² В частности, в Сенегале – арахис; в Эфиопии и Кении – кофе; в Кот-д’Ивуаре, Гане, Камеруне – какао; в Уганде – хлопок; важную роль играют цитрусовые и оливки в странах Северной Африки и т. д.

подтягивая или, напротив, деформируя их (Гринин 2006а; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin *et al.* 2024). С учетом же того, что страны Африки стоят перед необходимостью внедрять информационные технологии не только четвертого, но и пятого и даже уже шестого технологического уклада, влияние технологий на традиционные уклады жизни становится колоссальным.

В течение всего периода независимости страны Африки сталкивались и продолжают сталкиваться с необходимостью догонять страны Запада практически во всех укладах, начиная с первого, то есть простой механизации, через создание транспортной инфраструктуры и тяжелой промышленности (то есть второй уклад), электроэнергетики (третий уклад), внедрение современных средств информации (четвертый уклад) и ИКТ. Причем стояли и стоят задачи одновременного внедрения сразу нескольких укладов. В настоящее время уже можно говорить не только о необходимости, но и о начале нового направления модернизации, связанного с внедрением ИИ, криптовалют и др. Здесь кстати будет добавить, что, как ни парадоксально это звучит, но из-за слабого развития банковской системы африканские страны стали едва ли не мировыми лидерами по распространению платежей в крипте³. Соответственно, это дает представление о колоссальной амплитуде неравномерности в развитии разных сфер жизни в Африке.

3.1. Ускоренная модернизация при исключительном уровне отсталости

Ускоренная модернизация независимых государств имела место в ряде стран в разное время (разумеется, скорость изменений соответствовала общему темпу исторических изменений соответствующего периода; этот темп в целом ускорялся). Модернизация Османской империи в XV – начале XVI в. поставила эту империю в ряде отношений на один уровень с европейскими державами (см., например: Иванов, Орешкова 2000; Findley 1989) и, что существенно для нашей темы, повлияла на развитие Северной Африки. Если брать Африку, то модернизация Египта в правление Мухаммеда Али (1805–1848) и после была едва ли не единственным примером успешной и самостоятельной модернизации африканской страны (подробнее см.: Гринин 2006б; Гринин, Коротаев 2009а). Модернизация Японии после революции Мэйдзи в 1868 г., равно как и Гер-

³ См., например: Взаимные... 2024.

мании после революции 1848 г., особенно после прихода к власти О. фон Бисмарка, впечатляет (см.: Гринин 2016). История нашей страны может дать тут ряд примеров, поскольку Россия всегда отставала от Запада и всегда стремилась его догнать; в ее истории можно насчитать ряд этапов модернизации, начиная с Ивана Грозного.

Однако если проанализировать все эти случаи, то среди них нет стран, которые бы настолько отставали от передовых, насколько отставали от европейских стран и США абсолютное большинство африканских стран⁴. Недаром же в связи с попытками направить ряд африканских стран по социалистическому пути развития в СССР была активизирована идея о миновании исторических стадий на пути к социализму.

3.2. Ускоренная модернизация при слабой государственности и незрелой этничности

Если продолжить анализ вышеперечисленных случаев, то очень важно, что мы также не найдем тут случаев столь слабой государственности, какая была и все еще есть в большинстве стран Африки. Напротив, традиции государственности везде были более или менее сильными. Сегодня с целым рядом африканских стран, таких как Ливия, Демократическая Республика Конго, Центральнаяафриканская Республика и мн. др. по уровню развития государственности, пожалуй, можно было бы сравнить только такие страны, как Афганистан или Йемен, которые как раз и не смогли модернизироваться, а находятся в состоянии глубокой дестабилизации. То же касается и незрелой этничности. Трейбализм за пределами Африки имеет место только в перечисленных странах и в некоторых провинциях отдельных государств, вроде Белуджистана в Пакистане и Иране. Однако крайне важно, что трейбализм в африканских странах находится в статусе и состоянии важнейшего института и фактора, влияющего на все главные сферы жизни. Разумеется, трейбализм также модернизируется, подстраиваясь под перемены и развитие. Поэтому можно было бы сказать, что он давно находится в со-

⁴ Даже Индия после завоевания независимости намного превосходила большинство африканских стран в отношении культуры и других сфер. Возможно, ситуация в африканских странах сравнима лишь с модернизацией Монголии в XX в., но в Монголии фактически была полунасильственная модернизация со стороны СССР.

стоянии сильной перезрелости, являясь аналогом нормальных национальных отношений в других странах. Но этот процесс перерастания политических трайбалистских наций (народностей) в политические государственные нации исключительно серьезно влияет как на процессы модернизации, так и на процессы дестабилизации. О роли и влиянии незрелой государственности и этничности на дестабилизацию см.: Гринин и др. 2018; Гринин 2020а.

3.3. Ускоренная модернизация при высоком уровне демографического давления

Высокое демографическое давление давно рассматривается как важнейший фактор дестабилизации (см.: Goldstone 1991, 2002; Гринин 2023а, 2023б; Korotayev *et al.* 2011). Мы также много об этом писали, особенно в связи с ростом молодых когорт населения, о молодежных ловушках, которые, по нашему мнению, являются разновидностью модернизационных ловушек (см.: Grinin 2012, 2013, 2022а; Гринин 2013, 2014, 2019; см. также: Korotayev *et al.* 2011). «Арабская весна» была демонстрацией влияния таких ловушек.

Быстрый рост населения в Африке был важнейшей причиной того, что среднегодовой прирост среднедушевого ВВП в 1980-е гг. был негативным в 30 странах континента, в 1990-е гг. – в 25 странах (Бессонов 2010: 58). Однако постепенное развитие экономики и институтов, интеграция африканских стран в мировой рынок вместе с растущей глобализацией с 2000-х гг. изменили эту тенденцию в положительную сторону.

Немало дестабилизационных событий, включая революции, связано с демографическим фактором (Korotayev, Zinkina 2011; Grinin, Korotayev 2022; Гринин 2020б). Поэтому в данной статье мы только кратко упоминаем об этом факторе, что ни в коем случае не подразумевает его недооценки. В то же время не стоит упускать из виду, что это и источник роста влияния африканских стран, и источник финансирования за счет миграции (см. ниже), все более заметный за счет удаленной работы (Гринин и др. 2024; Grinin, Korotayev 2024). Таким образом, многие сложности могут быть и преимуществами. В частности, мы писали: «В условиях стремительного расширения возможностей для удаленной работы все больше африканцев будет связано с экономически развитыми странами. Вовлечение образованной африканской молодежи в систему уда-

ленной работы на Глобальном Севере – это проект на десятилетия, который одновременно смягчит проблему нехватки трудовых ресурсов в западном мире и Китае и может стать одним из способов снизить безработицу в Африке, поднять уровень жизни в этих странах, сблизить европейскую и африканскую культуры» (Гринин и др. 2024: 91)

4. Африканская модернизация. Другие особенности, препятствия и возможности, дестабилизация

4.1. Общие проблемы

Таким образом, даже краткие наброски показывают особенность африканской модернизации. Это означает, что, опираясь на теорию модернизации, необходимо тщательно выверять применимость рецептов западных специалистов к африканским реалиям. Вовсе не удивительно, что реальные изменения в субсахарском регионе отличаются от предписанных им путей и во многом не похожи на предлагаемые и поддерживаемые извне проекты, образцы, типы развития (Следзевский 2013). По-другому быть просто не могло.

Но важно отметить, что у африканской модернизации есть и немало сходных черт с обществами, которые ранее шли по пути модернизации архаического общества. Ниже мы попробуем суммировать эти сходства. Притом стоит подчеркнуть, что, хотя эти черты африканской модернизации описаны в литературе, однако а) часто авторы указывают на них как на нечто специфически африканское; б) эти черты редко суммируются; в) не все из указанного достаточно освещено в литературе.

Итак, это, в частности: 1) традиционализм, который сохраняется и воспроизводится не только в сельской местности, главным источнике традиционализма, но и на периферии городской экономики (Бессонов 2010: 51–52). Конечно, этот традиционализм носит застойный характер (Там же), но все-таки жизнь постепенно заставляет даже самых консервативных хозяев менять технологии и подходы. 2) Многоукладность, которая неизбежно возникает при модернизации. Вспомним, что проблема многоукладности была одной из важнейших, как теоретических, так и практических, в 1920-е гг. в СССР. 3) Огромные диспропорции в развитии как между странами, так и внутри стран, когда современные анклавные сочетаются с архаичными и примитивными по уровню технологий и культуры территориями, в том числе и в рамках крупных горо-

дов, где фешенебельные кварталы окружены трущобами. Об этом мы будем говорить ниже. 4) Острая нехватка капиталов. 5) Закредитованность стран и хозяйств. 6) Чрезмерная зависимость от экспорта, который в огромной степени состоит из сырьевых товаров, что вызывает периодами кризисы в связи с резкими колебаниями мировых цен. 7) Сильная зависимость от иностранного капитала. 8) Компрадорство, связанное с обслуживанием иностранных интересов со стороны местной бюрократии, менее заинтересованной в развитии собственных территорий. 9) Узурпация и монополизация национальных природных богатств и главных источников доходов определенными кланами и семьями. 10) Мощная внутренняя миграция в города, рост урбанизации и связанное с этим усиление социальных противоречий (см. подробнее: Гринин, Коротаев 2009б). Возникает демографическое давление, связанное с тем, что мы называем урбанистической ловушкой, которая сочетается с молодежной ловушкой (подробнее см.: Гринин 2019, 2023б).

Разумеется, далеко не все модернизирующиеся общества сталкиваются со всеми этими проблемами. Так, СССР в 1920–1930-е гг., как и КНР до 1990-х гг., опирался в основном на внутренние ресурсы, а не на займы (но это и создавало специфические проблемы для данных стран). Также, разумеется, не каждая африканская страна имеет весь набор проблем. В частности, страны Сахеля находятся еще на низкой стадии урбанизации и роста производительности труда, там некоторые проблемы (в частности, пункт 9) ощущаются пока еще не так сильно. Однако 11) слабость государственности и сложность мобилизации ресурсов характерны для многих стран Африки, что, как мы подчеркивали, является во многом специфической африканской модернизации.

4.2. Влияние исламизма

Ислам является одной из двух важнейших религий в Африке. Можно говорить по меньшей мере о 25 мусульманских странах (то есть почти о половине стран Африки), в которых ислам является преобладающей или государственной религией (Ислам... 2023). Около 45 % жителей континента исповедуют ислам. Особенно он распространен в странах Северной, Западной и Восточной Африки, однако и в южной части Африки много мусульман, в том числе мигрантов, что дает возможность радикальным исламистам активизироваться в таких странах, как, например, Мозамбик.

Мы уже рассматривали особенности модернизации в исламских странах (в том числе афразийской макрзоны нестабильности), обуславливающие ее отклонение от классической траектории (Гринин 2018, 2021):

1) особая роль исламизма как не просто политической идеологии, но очень массовой, широко распространенной среди едва ли не всех социальных слоев, способствующей объединению общества и развитию ряда направлений (включая образование), необходимых для модернизации. Исламизм с самого начала объективно способствовал особому пути модернизации исламских стран, а Исламское возрождение (с конца 1970-х гг.) можно расценить как попытку модернизироваться не путем заимствования западных ценностей и институтов, а, напротив, на основе возврата к якобы нетленным ценностям раннего ислама (Хантингтон 2003: 162);

2) слабость государственных структур в арабском мире, что определялось рядом исторических особенностей, и, соответственно, слабость национализма как идеологии;

3) нефтяное богатство, благодаря которому появились очень значительные средства для особого пути модернизации (с учетом меньшей финансовой зависимости исламских стран от Запада), а также усилились позиции исламизма как массовой идеологии и образа жизни.

Первые две характеристики практически полностью относятся и к Африке. Несомненно, исламизм играет заметную роль в африканской модернизации, хотя очень разную в разных сферах. В некоторых сферах – культурной, идеологической, социальной – его роль особенно высока, при этом модернизация до какой-то степени подпитывает исламизм и его влияние⁵. Однако для африканских стран роль нефтяного богатства существенно ниже, хотя и оно оказалось способным вызвать глубокий кризис в Алжире в конце 1980-х гг. Но так или иначе вхождение ряда стран в ОПЕК и развитие нефтяных месторождений сильно подтолкнуло модернизацию не только в Нигерии, Алжире, Ливии, но также в Анголе, Мозамбике и других странах.

⁵ Развитие грамотности ведет к росту числа верующих людей, которые перестают просто внимать проповедям официальных служителей культа, а пытаются самостоятельно читать и толковать священные тексты. Рост терроризма коррелирует с ситуацией, имеющей место в Африке, при которой грамотность в обществе постепенно растет, но еще далеко не достигает высокого уровня (см.: Васькин и др. 2018).

Что касается еще одного пункта, 4) определенная самостоятельность арабо-исламского региона, то он прежде всего относится к странам Залива, которые могут осуществлять собственную модернизацию, имея достаточно рабочей силы за счет мигрантов из исламских стран, а соседние страны имеют возможность получать большой поток валюты. В отношении арабо-исламского мира это способствовало созданию условий для особого пути модернизации арабских и многих исламских стран. Более высокая роль религиозных идей в модернизации объясняет причины того, что она в этих странах не затрагивает в полной мере многие аспекты жизни, идет медленнее, чем в других регионах, а также то, что часто она рядится в псевдорелигиозные одежды (так, повышение уровня образования женщин, их роли в политике, экономике и культуре происходит при внешнем сохранении исламских или новоисламских обычаев [Grinin *et al.* 2019]). Таким образом, мы можем говорить об особом способе модернизации арабо-исламских стран, где государственный исламизм выступает как важный ее фактор. Но, подобно другим проявлениям глобального религиозного возрождения, Исламское возрождение является одновременно и следствием модернизации, и попыткой схватиться с ней «врукопашную» (Huntington 1996: 111–112). Поэтому естественно, что исламизм отнюдь не доказал своей наибольшей эффективности в плане модернизации, но тем не менее определенную функцию он выполняет.

Однако, что касается Африки, особенно Южнее Сахары, как это часто случается на периферии тех или иных процессов, исламизм тут носит периферийный характер, поскольку опирается на его более развитые центры и во многом управляется из арабских центров Ближнего Востока. Исламизм в Африке в целом более радикальный, чем на Ближнем Востоке. Поэтому здесь сложнее говорить об исламизме как о факторе, который способствует особому пути модернизации, разве только в определенной мере в Судане, где исламизм был государственной идеологией длительное время (о причинах этого см.: Серегичев 2015). Распространение радикального исламизма препятствует модернизации во многих африканских странах. В частности, радикалы терроризируют население многих стран, особенно зоны Сахеля (см.: Гринин 2020в). Неудивительно, что даже в тех африканских странах, где нефтяные доходы играют большую роль, исламизм всячески сдерживается, государство имеет светский характер, модернизация идет (шла, как

в Ливии) в основном по пути государственного планирования, нередко с привлечением иностранного капитала.

Таким образом, исламизм в Африке нельзя рассматривать как особый фактор, влияющий на развитие модернизации, в целом он скорее препятствует модернизации.

4.3. Диспропорции, многоукладность, неравномерность развития, противоречия

Как мы говорили выше, в процессе модернизации национальное хозяйство и само общество приобретают крупные диспропорции, которые ведут к усилению старых и возникновению новых противоречий и напряжений в обществе. При этом основные доходы, особенно экспортные, идут от более развитых отраслей и форм хозяйствования, в то время как основное население занято традиционными и менее продуктивными формами хозяйства с использованием отсталых технологий. Мы говорили про многоукладность африканской экономики. Действительно, тут можно встретить все виды хозяйствования от полукочевого скотоводства в зоне Сахеля и мотыжного земледелия до современных фермерских хозяйств и анклавов пятого технологического уклада с применением ИИ.

Развитие экспорта и рост глобализации создают развитые внешнеориентированные хозяйственные центры и регионы Субсахарской Африки. Как правило, это прибрежные районы, имеющие лучшие условия для внешнеэкономических контактов и слабые связи с внутренними районами страны, за исключением территорий, богатых природными ресурсами экспортного значения⁶. Эти районы во многом обособляются от соседних территорий, не имеющих экспортного потенциала.

Поскольку модернизация неизбежно влияет и на традиционный образ жизни, бурно развивается неотрадиционализм (Бессонов 2010), то есть внедрение в традиционные формы новых технологий и отношений. Но, естественно, новые отношения редуцируются к старому уровню, поэтому возникают причудливые комбинации, своего рода химеры старого и нового, характерные для переходных периодов. Тем не менее, на наш взгляд, это тоже путь к модернизации, хотя и далеко не прямой. Следовательно, мы не можем согласиться с идеей, что это псевдомодернизация, которая определяется

⁶ К таким районам относится, например, так называемый Медный (или Меденосный) пояс, включающий сопредельные территории Замбии, ДРК и Зимбабве.

как модернизация по форме при сохранении традиционного и неотрадиционного содержания (Бессонов 2010: 57–58). На наш взгляд, это не псевдомодернизация, а естественный путь в модернизацию при наличном состоянии глубоких отсталости и диспропорций. То же касается и таких пороков в административно-государственном развитии, как коррупция, nepотизм, кумовство (с трайбалистским акцентом) и др. Их наличие, к сожалению, скорее правило, отсутствие – редкое исключение, что не снимает вопрос о необходимости борьбы с ними.

Рост богатства в этих все еще бедных странах вызывает мощные процессы перераспределения прибавочного продукта и государственного бюджета. В частности, в отношении налогов местная бюрократия и «элита», высшая по своим доходам часть населения деревни и др. могут иметь крупные налоговые льготы. Таким образом, возникают новые линии несправедливости, которые могут вызывать особое возмущение.

В целом, как мы уже указывали (Гринин и др. 2024), современная Африка – континент колоссальных контрастов, смесь архаики и модерна. Особенностью развития Африки остается ее впечатляющая неравномерность. Зоны роста разделены полосами кризиса – как на континенте в целом, так и в крупных странах, таких как Нигерия, Кения, Эфиопия и др. (см.: Лукьянов 2023). Можно согласиться, что такая неравномерность сохранится еще неопределенно долгое время: пока незаметны признаки выравнивания или сглаживания роста и развития по странам, регионам, отраслям, группам населения (Маслов 2023: 8). Поэтому можно сделать вывод, что из-за неспособности многих традиционных институтов и отношений, а также идеологий поспевать за изменениями в экономике, технологиях, урбанизации, демографии и за другими быстрыми и неконтролируемыми преобразованиями, вызванными модернизацией, возникает большая вероятность структурного кризиса.

Указанные и многие иные противоречия и контрасты ведут к множеству последствий и результатов. В самых общих чертах можно говорить о двух следствиях. С одной стороны, соединение черт архаики и современности, активные и разнообразные процессы модернизации и другие факторы ведут к дестабилизации, в том числе революциям, сепаратизму, терроризму, переворотам, гражданским войнам и т. п. (см. о количестве только революционных событий в Африке: Голдстоун и др. 2022; Grinin L., Grinin A. 2022b; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2022). В частности, можно прогнозировать,

что в XXI столетии (возможно, уже в первой его половине) именно Африка будет континентом, где произойдет наибольшее число революций, конфликтов, взрывов экстремизма в связи с тем, что, как указано выше, африканские страны пока еще находятся в процессе (нередко на начальных фазах) модернизации, урбанизации, формирования этнополитических наций и развития государственности.

В связи с вышеописанным мы прогнозируем, что, с одной стороны, Африка в будущем станет самым беспокойным континентом Мир-Системы (см., например: Гринин 2020б; Grinin, Korotayev 2024; Гринин и др. 2024). С другой стороны, мы верим, что многие африканские общества ожидают большое будущее, а Африка в целом – это континент будущего, где длительное время будет наблюдаться сильная динамика развития и роста в различных аспектах, включая важные для мира экономические процессы. В том числе в инвестициях, связанных, например, с переносом туда производств, расширением возможностей для удаленной работы африканцев в экономике развитых стран (см. выше), в добыче природных ископаемых и т. п.

Словом, развитие Африки полно противоречий и возможных конфликтов, однако здесь имеются мощная динамика и мощные потенциалы, которые уже исчерпываются в западном мире. Африка вносит и будет все заметнее вносить свой вклад в процесс подтягивания третьего мира к первому, то есть Великую конвергенцию.

4.4. Повышенная потребность в инвестициях и скудость внутренних источников

Слабость государственности конкретных государств (тем более в условиях несостоявшихся государств, каких в Африке немало), естественно, не позволяет осуществлять модернизацию за счет концентрации усилий общества под эгидой государства, как это делали СССР и Китай. Да и крупные элементы демократии в африканских обществах с учетом очень заметной самоорганизации и самоуправления населения сильно этому препятствуют (не говоря уже об отсутствии сплачивающей общество идеологии и указанных выше пороков политической системы). Все это резко усиливает потребность в инвестициях.

Общепризнано, что Африка нуждается в огромных инвестициях, которые могут быть привлечены только извне, а также не сможет развиваться без иностранного капитала (см., например: Морозенская 2018; Фитуни 2020; Ткаченко 2022; Сапунцов 2024; Дробот

2024). Ежегодный дефицит инвестиций в инфраструктуру африканских стран во второй половине 2010-х гг. оценивался в 100 млрд долларов (Titli 2017). В настоящее время эта сумма выросла.

Поскольку данная тема активно исследуется, мы не будем на ней останавливаться подробно. Добавим только несколько соображений и фактов. Иностранные инвестиции играют не просто важную, но в ряде стран важнейшую роль. Так, по оценкам Л. Л. Фитунни (2020), около 65–68 % ВВП, который создают страны Тропической Африки, производится компаниями, контролируруемыми иностранным капиталом (прямо или косвенно) через акционерное участие. В Нигерии во владении иностранного частного капитала, в первую очередь МНП, уже находится до 60–70 % совокупного акционерного капитала местных предприятий и акционерных компаний, действующих в отраслях обрабатывающей промышленности (Meniago, Lartey 2021). В Кении до 80–85 % совокупной фактурной стоимости выпускаемой товарной (коммерческой) промышленной продукции ныне приходится непосредственно на предприятия и производства, либо контролируемые иностранным частным инвестиционным капиталом и международными компаниями, либо принадлежащие им (Сапунцов 2024). Такие позиции иностранного капитала (за которым следуют и иные иностранные силы), конечно, могут влиять не только позитивно, но и негативно, усиливая лоббизм и коррупцию, быть источником нестабильности. Однако, как мы подробно описывали (Гринин и др. 2024), это в то же время позволяет африканским странам выбирать лучшие условия и лавировать между силами разных держав. При этом в соперничество за Африку активно внедряются и развивающиеся страны: Индия, Турция, ОАЭ и др. (подробнее см.: Там же). По мнению аналитиков (не во всем, однако, объективное), Турция делает акцент на «мягкую силу» – больницы, школы и помощь, а также развивает экспорт, опираясь на инфраструктурные отрасли. ОАЭ стали ведущим транспортным и валютно-финансовым хабом для Африки, укрепляя в том числе позиции на стратегически значимом рынке золота. В списке торговых партнеров Африки ОАЭ вышли на четвертое место, обойдя Францию. При этом и Турция, и ОАЭ обошли без масштабного кредитования, которое еще недавно считалось основным инструментом борьбы за влияние мировых держав в Африке (см.: Маслов 2023: 8; о роли Российской Федерации в Африке см.: Гринин, Коротаев 2024). Однако крайне важна роль соперничающих государств в плане поставок оружия и поддержки враждующих группировок,

в том числе в Ливии, Судане, Сомали. Турция и ОАЭ и в этом отношении стали играть большую роль.

О роли Китая в модернизации Африки много пишут (см.: Гринин и др. 2024), поэтому здесь мы укажем только на один важный момент – идеологический. Речь идет о том, что некоторые африканские страны начинают полагать, что модернизация по китайскому образцу может быть приемлема в Африке. В этом плане для африканских государств Китай может рассматриваться как историко-идеологический пример страны, которая изначально с внешней помощью смогла совершить успешный рывок в развитии и затем выйти из-под контроля западных стран. Китай, с одной стороны, подчеркивает, что его модель модернизации включает в себя руководство компартии КНР (то есть не полностью пригодна для Африки), но с другой – акцентирует идею о том, что дальнейшее плодотворное развитие торгово-экономических связей с Африкой – это возможность для Китая продемонстрировать на мировом уровне пример успешного подъема стран вне парадигмы развития и сферы влияния коллективного Запада (см.: Fogun... 2024; см. также: Китайская... 2024). На наш взгляд, это важный момент, свидетельствующий об институализации незападных путей модернизации в Африке⁷.

4.5. Роль внутриафриканского рынка

Современные тенденции и позднее вступление африканских стран в фазу догоняющей модернизации дали государствам Африки еще одно преимущество, которого были лишены многие ранее модернизовавшиеся страны. Мы имеем в виду стремление к внутриафриканской интеграции (как экономической, так и иной – политической, культурной). Во-первых, это Африканский союз (ранее Организация африканского единства), который делает немало для развития внутриафриканских совместных действий и внутрен-

⁷ В национальной стратегии Нигерии до 2050 г. содержатся отсылки к китайской модели развития инфраструктуры и индустриализации. Однако национальные планы по развитию африканских стран нередко апеллируют и к другим незападным страновым моделям государств БРИКС, стремясь адаптировать их опыт под собственные реалии и задачи. Например, Уганда в своем Vision 2040 ссылается на успехи Китая, Индии, Бразилии в разработке ИКТ, биотехнологий, создании с нуля целых наукоемких индустрий, включая авиастроение, развитии человеческого потенциала (Никольская, Матвеева 2025). Об интересе к российской модели в Африке см.: Мусиева, Черноморченко 2026.

него африканского рынка. В этой связи существенно отметить долгосрочные программы общеафриканского развития. В частности, Африка запустила второй 10-летний план реализации Повестки дня 2063 Африканского союза (Agenda... 2019)⁸ и ускорила создание Африканской континентальной зоны свободной торговли (АфКЗСТ) (Волков, Константинова 2023) для построения «интегрированной, процветающей и мирной Африки» (Fogun... 2024).

Конечно, общеафриканские программы не решают все вопросы модернизации, но существенно облегчают внутриафриканскую торговлю, кооперацию, возможности заимствования опыта, а также передвижение африканских капиталов и рабочей силы. Тут стоит отметить, что вопреки сложившимся стереотипам большая часть миграции в Африке – внутренняя. По состоянию на 2020 г. более половины африканских мигрантов (21 млн человек) проживали в других африканских странах, в то время как в Европе – 11 млн человек, в Азии – 4,7 млн человек, в Северной Америке – 3,3 млн человек. При этом едва ли не половина миграции в Европу и Азию идет из стран Северной Африки, тогда как около 70 % мигрантов из Западной и Восточной Африки остаются на континенте. Таким образом, с точки зрения географии направления миграции из Северной Африки разительно отличаются от миграционных потоков в Африке южнее Сахары. Да и в целом миграция за пределы Африки не столь уж и велика по сравнению с естественным приростом. Ежегодно Африку покидает около 400 тыс. человек, что не так много при рождаемости 46 млн человек в год и смертности в 12 млн человек в год (Свиридов 2023а: 14).

Несмотря на относительную бедность даже наиболее развитых африканских стран, переводы мигрантов из них составляют значительную долю в притоке денежных средств – 19 % (19 из 100 млрд долларов). Крупнейшие источники поступления средств от африкан-

⁸ Была принята в январе 2015 г. главами государств и правительств Африканского союза в Аддис-Абебе.

«Повестка дня 2063» является, по сути, образом востребованного будущего Африки (сами африканцы называют этот документ «Африка, о которой мы мечтаем»), представляет собой комплекс инициатив, реализуемых в настоящее время странами Африканского континента. В документе Африканского союза «Повестка 2063», посвященном стратегическим планам развития Африки на период до 2063 г., в числе приоритетных задач – «формирование африканской модели развития и преобразования, основанной на панафриканских ценностях» (Мосейко 2025). Таким образом задается и идеологический вектор.

ских мигрантов среди собственно стран Африки: ЮАР – 2,7 млрд долларов (в основном в Зимбабве, Лесото и Нигерию), Кот-д’Ивуар – 0,8 млрд долларов (в Буркина-Фасо, Гану, Мали, Нигерию), Нигерия – 1,4 млрд долларов (из них 0,8 млрд долларов в Гану), Камерун – 1,4 млрд долларов (из них 1,3 млрд долларов в Камерун) и Нигер – 1,3 млрд долларов (из них 1,2 млрд долларов в Нигерию) (Свиридов 2023а: 18).

Помимо общеафриканского объединения в Африке имеет место целый ряд региональных объединений. Не все из них эффективны, но некоторые дают существенные импульсы для модернизации, в частности ЭКОВАС (объединение 16 стран Западной Африки). Высокий индекс региональной интеграции имеют также объединение «Общий рынок Восточной и Южной Африки» (КОМЕСА) и Восточноафриканское сообщество (ВАС) (Волков, Константинова 2023: 161–162). Ранее отмечалась эффективность САДК (Сообщества развития Юга Африки, включающего 14 стран), в котором предусматривалось распределение ответственности между странами-участницами за определенный сектор экономики: к примеру, Анголы – за энергетику, Лесото – за туризм и т. д. (см., например: Калиниченко 2010: 83; см. также: Костюнина 2016). Но в последнее время эффективность этого объединения несколько снизилась (Волков, Константинова 2023).

Существенно, что эти региональные объединения становятся базой для более широкого объединения африканских стран. Так, в 2015 г. главы государств КОМЕСА, САДК и ВАС подписали соглашение о континентальной зоне свободной торговли как начальном этапе Африканского экономического союза (АЭС). А в целом созданный в 2002 г. Африканский союз нацелен на формирование экономического и валютного союза в Африке к 2030 г. на базе восьми интеграционных объединений (Костюнина 2016). Конечно, такой путь интеграции был бы невозможен без огромного опыта (и влияния) Европейского союза и других наднациональных объединений. И хотя планы имеют свойство затягиваться и реализовываться в неполном виде, тем не менее они впечатляют⁹.

⁹ В качестве примера можно рассмотреть Программу инфраструктурного развития Африки до 2040 г. Она нацелена на строительство и модернизацию инфраструктуры в сферах энергетики, ИКТ, транспорта и водоснабжения и включает 29 проектов. Так, например, в сфере энергетики реализуются проекты по сооружению энергосетей Кения – Эфиопия, Замбия – Танзания – Кения; в сфере транс-

Таким образом, **возможности интеграции**, причем интеграции плановой и грамотной, с учетом ошибок предшественников и передачи опыта из стран Европы, **являются важным преимуществом Африки**, возникшим (как это часто бывает с отстающими) именно за счет сильного отставания в процессе модернизации.

Заключение. Некоторые успехи и возможности для модернизации африканских стран

В этой статье мы показали связь ускоренной модернизации и в целом африканской модернизации с дестабилизацией. Мы выделили как сходства процессов и проблем, возникающих в процессе модернизации у многих стран, с теми, которые обозначились в африканских странах, так и важные особенности африканской модернизации. Последние проистекают из-за исключительно сильного разрыва между наличным уровнем развития и стоящими задачами, решить которые особенно сложно в условиях слабой государственности. Мы также указали на некоторые преимущества стран Африки в модернизации, в частности активную и плановую интеграцию. Еще одним преимуществом по сравнению с модернизацией целого ряда стран, включая Японию, Германию, Италию и др., является богатство недр. Мы об этом писали ранее, в том числе об огромных запасах очень важных для современной электроники и развития искусственного интеллекта кобальте, редкоземельных металлов и т. д. (Гринин и др. 2024; Grinin L. E., Grinin A. L. 2026).

Здесь добавим следующие данные. На Африку приходится 30 % минеральных ресурсов мира: 7 % мировых запасов природного газа, 8 % запасов нефти; по ряду позиций доля Африки превышает 30 % мировых ресурсов: до 35 % – по хромю, более 40 % – по бокситам, 50 % – по кобальту и марганцу, 90 % – по металлам платиновой группы. На Африку приходится около 17 % лесов мира, и более 70 % жителей Африки к югу от Сахары зависят от лесных массивов. Кроме того, там находится 14 % пахотных земель мира и при этом 2/3 неиспользуемых пахотных земель, 10 % возобновляемых источников пресной воды (Свиридов 2023б: 41). Здесь

порта – строительство высокоскоростной магистрали в Магрибе, участков коридора Дакар – Нджамена – Джибути, моста через реку в Гамбии; в сфере ИКТ сооружается инфраструктура в рамках НЕПАД, единая сеть ИКТ для ВАС; в области трансграничного водоснабжения – проекты в бассейнах рек Сенегал, Нил и Нигер (Костюнина 2016: 39).

мы хотели бы обратить внимание на огромный объем неиспользуемых пахотных земель в Африке. Это подтверждает, что проблемы голода в Африке из-за нехватки земель нет, тем более что рост урожайности в целом не отстает и даже опережает рост населения.

Мы считаем, что, несмотря на огромные трудности и множество задач, у многих африканских стран хорошие возможности для развития модернизации. При этом мы согласны, но и не согласны с утверждением, что до сих пор Африка – это в первую очередь потенциал (Маслов 2023: 8). Темпы роста целого ряда африканских стран существенно выше средних по миру. Мы показывали, что среди наиболее быстро растущих стран мира большинство африканских: например, среди 30 экономик с самым высоким средним ростом ВВП за пять лет (2018–2022 гг.) африканские экономики составляли две трети, то есть большинство (Гринин и др. 2024; Ventura 2023). Таким образом, постепенно, хотя и очень медленно, идет подтягивание африканских стран к уровню более развитых.

При этом, хотя высокие темпы модернизации, как было показано в статье, увеличивают риски дестабилизации, мы считаем, что снижать темпы модернизации нельзя. Значит, единственный вариант – создавать внутренние и внешние стабилизаторы, которые бы усилили устойчивость африканских обществ к дестабилизации в результате такой быстрой модернизации (о тенденциях, способствующих устойчивости государственности, см.: Коротаев и др. 2025). Мир в целом потенциально заинтересован в возможно менее дестабилизационной ситуации в африканских странах. Попытки дестабилизации, предпринимаемые некоторыми странами (например, США и Израилем в Судане), должны вскрываться и обнародоваться.

Выше мы показывали, что судьбы Африки постепенно, но неуклонно будут все более осознаваться как общечеловеческие судьбы, мощно влияющие на возможности развития Мир-Системы. В решении вышеуказанного африканско-китайского форума записано, что дальнейшее развитие этих отношений будет идти под девизом «Объединяя усилия для продвижения модернизации и построения китайско-африканского сообщества высокого уровня с общей судьбой» (Fogun... 2024). И хотя, как любые лозунги, это звучит несколько помпезно, однако отражает тот факт, что тенденции развития Африки, в том числе в плане модернизации, несомненно, становятся все более важным общечеловеческим фактором, что Африка постепенно будет все менее восприниматься как далекая и не

имеющая к нам отношения периферия и все более – как важный для общего развития континент.

Литература

Бессонов, С. А. 2010. Направления и механизмы развития рыночной экономики. В: Абрамова, И. О., Морозенская, Е. В. (отв. ред.), *Экономика Африки в условиях рыночных преобразований*. М.: Б. и. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/ekonomika_afriki_v_usloviyah_rynochnoy_ekonomiki.pdf. С. 48–60.

Васькин, И. А., Цирель, С. В., Коротаев, А. В. 2018. Экономический рост, образование и терроризм: Опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 3: 28–65.

Взаимные расчеты: как Африка выбилась в лидеры по использованию криптовалюты. 2024. *Рамблер* 15 мая. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52761012-vzaimnye-raschety-kak-afrika-vybilas-v-lidery-po-ispolzovaniyu-kriptovalyuty/>.

Волков, С. Н., Константинова, О. В. 2023. Африканская континентальная интеграция – новый шаг на пути к многополярному миру. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: *Международные отношения* 23(1): 157–167. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-157-167.

Голдстоун, Дж. А., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 108–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.09.

Гринин, А. Л., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2024. Африканский аспект борьбы за новый мировой порядок. Подъем Африки и усиление соперничества за нее. *История и современность* 3: 87–112.

Гринин, Л. Е.

2006а. *Производительные силы и исторический процесс*. 3-е изд. М.: URSS.

2006б. Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX в.: от развитого государства к зрелому. *Египет, Ближний Восток и глобальный мир*: сб. науч. статей. М.: Кранкэс. С. 123–132.

2010. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.

2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 188–223.

2013. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.

2014. Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов*. Волгоград: Учитель. С. 98–127.

2016. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому*. М.: URSS.

2017а. Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования* 4: 138–155.

2017б. Российская революция в свете теории модернизации. *История и современность* 2: 22–57.

2018. О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте*: ежегодник. Волгоград: Учитель. С. 320–349.

2019. Гл. 2. Модернизация и модернизационные ловушки в процессе развития. В: Гринин, Л. Е. (ред.), *Длинные волны, современная экономика и перспективы грядущих трансформаций в XXI веке*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 51–86.

2020а. Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Ч. 2. Волгоград: Учитель, 2020. С. 694–724.

2020б. Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Ч. 1. Волгоград: Учитель, 2020. С. 179–197.

2020в. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Ч. 2. Волгоград: Учитель. С. 810–828.

2020г. Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. // В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Волгоград: Учитель, 2020. С. 829–853.

2020д. Религиозный фактор, радикальный исламизм и дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Ч. 1. Волгоград: Учитель, 2020. С. 137–147.

2021. Как исламизм влияет на модернизацию и процессы в исламском мире. В: Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Социально-политическая дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд. С. 68–85.

2023а. Дестабилизация и мировой порядок: некоторые вопросы теории. *История и современность* 4: 3–31. DOI: 10.30884/iis/2023.04.01.

2023б. Революция и модернизационные ловушки. *История и современность* 2: 3–28. DOI: 10.30884/iis/2023.02.01/.

Гринин, Л. Е., Билюга, С. Э., Коротаев, А. В., Гринин, А. Л. 2018. Социально-политическая дестабилизация и возраст государства: предварительные результаты количественного анализа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (ред.), *История и Математика: социально-экономические аспекты истории и современности: ежегодник*. Волгоград: Учитель. С. 54–80.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2015. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Бондаренко, В. М. (отв. ред.), *Кондратьевские волны: наследие и современность*. Волгоград: Учитель. С. 83–106.

2022. Новая волна революционных процессов в афразийской макрзоне нестабильности и ее влияние на смежные мир-системные зоны. *История и современность* 3: 3–22.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2009а. О типологических характеристиках государственности в Османском Египте XVI–XIX вв. (к постановке проблемы). *Восток* 3: 35–51.

2009б. Урбанизация и политическая нестабильность: К разработке математических моделей политических процессов. *Полис* 4: 34–52.

2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ.

2024. Африканский вектор в геополитике России. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Хайруллин, Т. Р. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Волгоград: Учитель.

Гринин, Л. Е., Хайруллин, Т. Р. (ред.). 2023. *Перспективы процессов дестабилизации в странах Африки: материалы конференции*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Дробот, Е. В. 2024. Проблемы мобилизации финансовых ресурсов для экономического развития стран Африки. *Экономические отношения* 1: 123–158. DOI: 10.18334/eo.14.1.120351.

Заболотских, М. Г. 2010. Первые эфиопские интеллигенты и монархия: проблемы коммуникации. *Вестник СПбГУ* 13(3): 95–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-efiopskie-intelligenty-i-monarhiya-problemy-kommunikatsii/viewer>.

Иванов, Н. А., Орешкова, С. Ф. 2000. Османская империя в XVI–XVII вв. В: Алаев, Л. Б., Ашрафян, К. З., Иванов, Н. И. (ред.), *История Востока. Т. III. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени. XVI–XVIII вв.* М.: Вост. лит.-ра. С. 67–98.

Ислам в Африке: современное состояние. 2023. 7 ноября. URL: <https://russia-islworld.ru/sud/>.

Калиниченко, Л. Н. 2010. Перспективы развития региональных рынков. В: Абрамова, И. О. Морозенская, Е. В. (отв. ред.), *Экономика Африки в условиях рыночных преобразований.* М.: Б. и. URL: https://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/ekonomika_afriki_v_usloviyah_rynochnoy_ekonomiki.pdf. С. 82–94.

Китайская модернизация Африки – от торговли и кредитов к мягкой силе в непрерывной орбите влияния и интересов КНР. 2024. URL: <https://worldmarketstudies.ru/article/kitajskaa-modernizacia-afriki-ot-torgovli-i-kreditov-k-magkoj-sile-v-nepreryvnoj-orbite-vliania-i-interesov-knr/>.

Коротаев, А. В., Божевольнов, Ю. В., Гринин, Л. Е., Зинькина, Ю. В., Малков, С. Ю. 2011. Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (ред.), *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы.* М.: Красанд/URSS. С. 138–165.

Коротаев, А. В., Устюжанин, В. В., Зинькина, Ю. В., Исаев, Л. М., Миронюк, М. Г., Черноморченко, И. Ю., Гринин, Л. Е. 2025. К исследованию динамики государственной состоятельности и государственной устойчивости стран африканской макрзоны нестабильности в условиях трансформации мирового порядка. *История и современность* 3: 20–68. DOI: 10.30884/iis/2025.03.02.

Костюнина, Г. М. 2016. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап. *Российский внешнеэкономический вестник* 4: 34–50.

Лукьянов, Ф. А. 2023. Предисловие. В: Маслов, А. А. (ред.), *Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник.* 2-е изд., доп. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 6–7.

Маслов, А. А. (ред.). 2023. *Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник.* 2-е изд., доп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023.

Мау, В. А., Стародубровская, И. В. 2001. *Великие революции: От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус.

Морозенская, Е. В. 2018. *Государственное регулирование экономики Африки*. М.: Ин-т Африки РАН.

Мосейко, А. Н. 2025. *Базовый документ африканского союза «Повестка 2063» как декларация прав африканской культуры в контексте анализа традиционных африканских ценностей*. URL: <https://www.lihachev.ru/chten/2025/sec2/Moseyko.pdf>.

Мусиева, Дж. М., Черноморченко, И. Ю. 2026. Качество жизни как геополитическая сила: перспективы экспорта российской модели развития в странах Африки. *Информационные войны* 1 (в печати).

Нефедов, С. А. 2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: УГГУ.

Никольская, М., Матвеева, А. 2025. БРИКС как бренд и его африканское измерение. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-kak-brand-i-ego-afrikanskoe-izmerenie/>.

Побережников, И. В. 2006. *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.: РОССПЭН.

Сапунцов, А. Л. 2024. Научно-техническая модернизация экономики стран Тропической Африки на основе привлечения прямых иностранных инвестиций. *Вопросы инновационной экономики* 14(4): 1057–1072. DOI: 10.18334/vines.14.4.122279.

Свиридов, В. Ю.

2023а. Население. В: Маслов, А. А. (ред.), *Африка 2023. Возможности и риски*: экспертно-аналитический справочник. 2-е изд., доп. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 10–21.

2023б. Природные ресурсы. В: Маслов, А. А. (ред.), *Африка 2023. Возможности и риски*: экспертно-аналитический справочник. 2-е изд., доп. М.: Изд. дом ВШЭ. С. 41–62.

Серегичев, С. Ю. 2015. Политический ислам в Судане: история, идеи, практика. В: Саватеев, А. Д., Кисриев, Э. Ф. (отв. ред.), *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 1. *Страны Северной и Северо-Восточной Африки*. М.: Ленанд. С. 367–404.

Следзевский, И. В.

1988. Проблемы историко-социологической характеристики африканской интеллигенции. В: Васильев, А. М. (отв. ред.), *Пути эволюции и общественная роль современной африканской интеллигенции: поиски, тенденции, перспективы*. М.: Б. и.

2013. Африканский опыт догоняющей модернизации: теория и практика. *Россия реформирующаяся* 10: 471–521.

Ткаченко, А. А. (ред.). 2022. *Модернизация в странах Северной Африки: возможности и препятствия*. М: Ин-т Африки РАН.

Тодд, Э. 2024. *Поражение Запада*. М.: AST Publishers.

Травин, Д., Маргания, О. 2004. *Европейская модернизация*. М.: АСТ.

Фигуни, Л. Л. 2020. Иностраный капитал в Африке: теории, стратегии, новации. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 13(6): 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-6-1.

Хантингтон, С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.

Хобсбаум, Э. 1999. *Век революции. Европа 1778–1848*. Ростов н/Д.: Феникс.

Шумпетер, Й. 2007. *Теория экономического развития*. М.: Эксмо.

Яковлев, А. И. 2010. *Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках*. М.: URSS.

Agenda 2063: The Africa We Want. 2019. URL: <https://web.archive.org/web/20191213181702/https://au.int/en/agenda2063/overview>.

Apter, D. E. 1965. *The Politics of Modernization*. Chicago: University of Chicago Press.

Bendix, R. 1967. Tradition and Modernity Reconsidered. *Comparative Studies in Society and History* 9(3): 292–346.

Bilyuga, S., Shishkina, A., Zinkina, J., Korotayev, A. 2016. Global Correlation between GDP per Capita and the Level of Sociopolitical Destabilization between 1960 and 2014: A Preliminary Quantitative Analysis. In Grinin, L. E., Ilyin, I. V., Herrmann, P., Korotayev, A. V. (eds.), *Globalistics and Globalization Studies*. Volgograd: Uchitel. Pp. 213–219.

Black, C. E. 1966. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York: Harper & Row.

Boix, C. 2011. Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review* 105(4): 809–828.

Brunk, G. G., Caldeira, G. A., Lewis-Beck, M. S. 1987. Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.

Burkhart, R. E., Lewis-Beck, M. S. 1994. Comparative Democracy: The Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(04): 903–910.

Collins, R. 1968. A Comparative Approach to Political Sociology. In Bendix, R. et al. (eds.), *State and Society: A Reader in Comparative Political Sociology*. Boston: Little, Brown and Company. Pp. 42–67.

Cutright, P. 1963. National Political Development: Social and Economic Correlates. In Polsby, N. W., Dentler, R. A., Smith, P. A. (eds.), *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior*. Boston: Houghton Mifflin. Pp. 569–582.

Dahl, R. A. 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press.

Daly, M. W. 1998. The British Occupation, 1882–1922. In Daly, M. W. (ed.), *The Cambridge History of Egypt*. Vol. 2. *Modern Egypt, from 1517 to the End of the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 239–251.

Davidson, B. 1994. *Modern Africa: A Social and Political History*. London; New York: Longman.

Eisenstadt, S. N.

1966. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

1978. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. New York: Free Press.

Epstein, D. L., Bates, R., Goldstone, J., Kristensen, I., O’Halloran, S. 2006. Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.

Filin, N., Khodunov, A., Koklikov, V. 2022. Serbian “Otpor” and the Color Revolutions’ Diffusion. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer. Pp. 465–482.

Findley, C. 1989. *Ottoman Civil Officialdom*. Princeton: Princeton University Press.

Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2025–2027). 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485719.html.

Gellner, E. 1983. *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell.

Goldstone, J. A.

1991. *Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.

2001. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of University of California Press* 4: 139–187.

2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–21.

2014. *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Grinin, A., Grinin, L. 2024. Destabilization and World Order: Some Theoretical Issues. *Journal of Globalization Studies* 15(2): 134–154. DOI: 10.30884/jogs/2024.02.08.

Grinin, L. E.

2008. Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.

2012. State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Cliodynamics* 3(1): 124–157.

2013. State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.

2022a. Revolution and Modernization Traps. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 219–238. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_8.

2022b. Revolutions and Historical Process. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 139–172.

2022c. The European Revolutions and Revolutionary Waves of the 19th Century: Their Causes and Consequences. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 281–314.

Grinin, L., Grinin, A.

2022a. Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 315–388.

2022b. The Current Wave of Revolutions in the World-System and Its Zones. *Journal of Globalization Studies* 13(2): 178–197. DOI: 10.30884/jogs/2022.02.12.

2026. Africa's Future: Global Engagement, Grand Challenges and Bright Prospects. In Dubey, A., Solomon, H. (eds.), *Africa's External Engagement Challenges and Opportunities* (in print).

Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A. 2024. *Cybernetic Revolution and Global Aging. Humankind on the Way to Cybernetic Society, or the Next Hundred Years*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-031-56764-3.

Grinin, L., Korotayev, A.

2012. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505. DOI: 10.1080/02604027.2012.697836.

2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. New York: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-17780-9.

2022a. Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer. Pp. 105–138.

2022b. The Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer. Pp. 595–624.

2024. Africa – The Continent of the Future. Demographic and Economic Challenges and Opportunities. *World Futures* 80(1): 70–82. DOI: 10.1080/02604027.2024.2315262.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2019. Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. *World System and World Values Perspectives*. N. p.: Springer. URL: https://books.google.ru/books/about/Islamism_Arab_Spring_and_the_Future_of_D.html?id=CfeAtQEACAAJ&redir_esc=y.

Huntington, S. P.

1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven; London: Yale University Press.

1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY: Simon & Schuster.

Johnson, Ch. 1968. *Revolutionary Change*. London: University of London Press.

Korotayev, A., Grinin, L., Bilyuga, S., Mescherina, K., Shishkina, A. 2017. Economic Development, Sociopolitical Destabilization and Inequality. *Russian Sociological Review* 16(3): 9–35. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-9-35.

Korotayev, A., Zinkina, J. 2011. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.

Korotayev, A., Zinkina, J., Kobzeva, S., Bogevolnov, J. 2011. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution* 2(2): 1–28.

Levy, M. J., Jr.

1966. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

1967. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization. In Moore, W. E., Cook, R. M. (eds.), *Readings on Social Change*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice House. Pp. 189–208.

Londregan, J. B., Poole, K. T. 1996. Does High Income Promote Democracy? *World Politics* 49: 1–30.

Lipset, S. M. 1959. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review* 53(01): 69–105.

Meniago, C., Lartey, E. K. K. 2021. Does FDI Affect Productivity and Growth in Sub-Saharan Africa? *Journal of African Business* 2: 274–292. DOI: 10.1080/15228916.2020.1745011.

Moore, B. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.

Przeworski, A., Limongi, F. 1997. Modernization: Theories and Facts. *World Politics* 49: 155–183.

Rostow, W. W.

1971a. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press.

1971b. *Politics and the Stages of Growth*. London: Cambridge University Press.

Rueschemeyer, D., Stephens, E. H., Stephens, J. D. 1992. *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.

Smelser, N. J.

1963. *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press.

1967. Processes of Social Change. In Smelser, N. J. (ed.), *Sociology*. New York: John Wiley & Sons. Pp. 674–728.

Tipps, D. C. 1973. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective. *Comparative Studies in Society and History* 15(2): 199–226.

Titli, B. 2017. Thinking Africa: India, Japan, and the Asia-Africa Growth Corridor. *The Diplomat* June 3. URL: <https://thediplomat.com/2017/06/thinking-africa-india-japan-and-the-asia-africa-growth-corridor/>.

Ventura, L. 2023. Economic Growth is a Marathon, not a Sprint and While Some Nations have Made Plans for Long-Term Progress, Others have Squandered Their Good Fortune and Resources. *Global Finance* May 2. URL: <https://gfmag.com/data/countries-highest-gdp-growth>.